

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТА (на материале произведений А.П. Чехова)*

П.Н. Хроменков

Кафедра теоретической и прикладной лингвистики
Московский государственный областной университет
ул. Радио, 10а, Москва, Россия, 105005

Конфликт как коммуникативный акт присущ многим сферам деятельности человека и изучается в рамках разных научных дисциплин. Вербальные конфликты широко представлены в художественной литературе, что позволяет детально исследовать психолингвистические аспекты их возникновения, развития и завершения, экстраполируя полученные результаты на понимание сути конфликтов за пределы художественного текста. Подобные исследования позволяют развивать новое направление современной лингвистики — лингвоконфликтологию.

Ключевые слова: конфликт, конфликтология, психолингвистика, коммуникативный акт, внутриличностный, межличностный.

Конфликты свойственны любой социальной и личной жизни. Само понятие «конфликт» встречается в разных сферах человеческой деятельности и областях знания: в социологии, политике (как внешней, так и внутренней), юриспруденции, педагогике, психологии, экономике, истории, лингвистике [1].

Под конфликтом (от лат. *conflictus* — столкновение) понимают ситуацию, в которой происходит столкновение двух сторон (участников конфликта) по поводу разногласия интересов, целей, взглядов, в результате которого одна из сторон сознательно и активно действует в ущерб другой (физически или вербально), а вторая сторона, осознавая, что указанные действия направлены против его интересов, предпринимает ответные действия против первого участника.

Конфликт — это, по сути, коммуникативный акт.

Невыраженная противоположность позиций не будет элементом конфликта, и нет конфликта, если действует только один участник.

Как отмечает Н.Г. Комлев, конфликт отсутствует в двух случаях: при идеально слаженной интеракции на основании полного взаимного соответствия стратегических и тактических интересов общающихся и при отсутствии всякого контакта между ними [2].

Лингвистическими аспектами конфликта занимается такая дисциплина, как лингвоконфликтология, которая определяет речевой конфликт как противостояние двух и более коммуникантов, связанных в едином коммуникативном событии, обусловленном разными факторами: психическими, социальными и этическими и т.д., проявление которых происходит в речевой ткани диалога.

Социальная сущность языка, его конвенциональная природа позволяют рассматривать язык в качестве кода, единого для говорящих на данном языке, созда-

* Рец. проф. О.И. Максименко (МГОУ), доц. М.В. Беляков (МГИМО (У) МИД РФ).

ющего условия для понимания коммуникантов, и говорить о языке как о средстве установления контакта в речевом общении.

Речь, в свою очередь, явление индивидуальное, зависящее от адресанта, это творческий и неповторимый процесс использования ресурсов языка.

Ситуативная обусловленность, вариативность речи, с одной стороны, и возможность осуществить выбор для выражения определенного содержания, с другой, делают речь своеобразной, непохожей на речь другого человека. Правильный выбор средств языка, ориентированных на собеседника, способность адекватно передать содержание, оправдывая ожидания партнера по коммуникации, — все это гармонизирует общение [3].

Н.Д. Голевым была разработана классификация языко-речевых конфликтов, в которой он трактует такие конфликты как естественное проявление противоречивой природы языка и речи, вытекающей из антиномического устройства языка, неизбежности множественной интерпретации речевых произведений и различия «интересов» коммуникантов.

В сознании носителя языка речевой конфликт существует как некая типовая структура — фрейм, включающий обязательные компоненты: участников конфликта; противоречия (во взглядах, интересах, точках зрения, мнениях, оценках, ценностных представлениях, целях и т.п.) у коммуникантов; причину-повод; ущерб; временную и пространственную протяженность.

Фреймовая структура речевого конфликта и особенности ее реализации в разных социально-языковых ситуациях представлена в диссертациях О.Н. Матвеевой, О.В. Саржиной, А.В. Коряковцева, В.С. Третьяковой, И. Кудряшова, статьях Н.Д. Голева, Н.В. Обелюнас и др.

Интерес к проблемам речевого конфликта и гармонизации речевого общения нашел отражение также в рамках новой отрасли антропоцентрической лингвистики — речевой конфликтологии [3].

Как уже упоминалось, поведение непосредственных участников конфликта обусловлено комплексом внешних (социальных) и внутренних (психологических) факторов.

К внешним факторам, регулирующим речевое поведение, относят традиции и нормы, сложившиеся в данной этнокультурной общности, в профессиональной группе, которой принадлежат говорящие; условия и договоренности, принятые в данном социуме; схемы речевого поведения, ставшие социально значимыми и усвоенные личностью; а также выполнение коммуникантами социальных ролей, определяемых социальным статусом, профессией, национальной принадлежностью, образованием, возрастом и др.

К внутренним факторам, определяющим поведение участников конфликта, относятся те, что обусловлены качествами самих субъектов: типом личности (психологическим и коммуникативным), интересами, мотивами, интенциями, установками и взглядами участников конфликта и др. [1. С. 167].

Определение понятия характера конфликта и последующий анализ его причин имеют большое значение в изучении конфликтных взаимодействий, так как причина является тем пунктом, вокруг которого разворачивается конфликтная

ситуация. При этом определяют три основных группы причин: объективные причины; социально-психологические факторы; субъективные причины.

Внешние обстоятельства, стереотипы поведения, социальное положение индивида, образ жизни — примеры объективных факторов возникновения конфликта.

Все отношения индивида в обществе обусловлены его психологическими и социальными установками, которые иногда способны вызвать противоречия и конфликты в межличностных взаимодействиях. Это социально-психологические факторы. Так, психология человека устроена таким образом, чтобы оптимальным образом регулировать всю поступающую ему информацию.

Процесс понимания и восприятия информации чрезвычайно непрост, и в межличностных отношениях люди теряют или искажают информацию, поступающую в процессе коммуникации. Этот естественный процесс не зависит от человека, но может спровоцировать конфликты. Несоответствие занимаемых человеком ролей в процессе взаимодействия относится ко второй группе причин.

Субъективные (или личностные) причины зависят от человека, его восприятия и формы поведения, психики. От того, как человек оценивает поведение другого человека, насколько сам поддерживает бесконфликтное или конфликтное поведение, зависит личностная конфликтоустойчивость.

Говоря о причинах конфликтов, коренящихся в личностном своеобразии членов взаимодействующей группы, необходимо учитывать возможные личностные особенности, порой «загоняющие» человека в конфликтные ситуации, к которым можно отнести неумение контролировать свое эмоциональное состояние, низкий уровень самоуважения и самооценки, агрессивность, повышенную тревожность, некоммуникабельность, чрезмерную принципиальность [1].

Важным вопросом в теории конфликта является понимание и оценка природы конфликта, что связано с пониманием природы самого человека, когда важно определить доминирование индивидуального или социального. Многие на природу человека и его конфликтов с самим собой и внешним миром можно почерпнуть из произведений А.П. Чехова.

Хорошо известно, что творчество А.П. Чехова оказало огромное влияние на литературу и драматургию XX в. не только в России.

А.П. Чехов рассматривает в своих произведениях стихийное бытие отдельного индивида, который сталкивается с окружающей действительностью, несправедливостью и пошлостью человеческой жизни на земле.

Чехов стремится раскрыть душу человека, а не только обыденно регистрирует конфликт, а душа человеческая настолько многообразна, что не может быть передана исключительно драматургическими методами.

Как отмечает Л.С. Выготский, «...вся особенность драматического построения в том и заключается, что в ткань совершенно реальных и бытовых отношений вплетается какой-то ирреальный мотив, который начинает приниматься нами также за совершенно психологически реальный мотив, и борьба этих двух несовместимых мотивов и дает то противоречие, которое необходимо должно быть разрешено в катарсисе и без которого нет искусства» [4. С. 299].

В данной статье нас интересует в первую очередь не драматургический конфликт, а его психолингвистическая основа, которая находит свое отражение в речи героев произведений А.П. Чехова.

Основой развития сюжета, его стержнем является внутренняя жизнь героев, их переживания и внутриличностные конфликты.

Спроецировав конфликты на обыденную жизнь, мы получаем в некотором смысле простые решения, которые не удовлетворяют и не могут удовлетворить героев А.П. Чехова. У них происходит конфликт между желаниями, представлением о жизни, какой они хотели бы ее видеть, и обыденностью, которая доминирует в жизни и окрашивает все в серые единообразные тона, тона, которые не воспринимаются героями как реальность, а приводят их к отторжению действительности.

Так, внутриличностный конфликт Серебрякова перерастает в межличностный конфликт, т.к. он вовлекает всех присутствующих в разрешение этих противоречий. Тем не менее, его конфликт нельзя считать исключительно внутриличностным, т.к. он вызван еще и внешними факторами и является своего рода проекцией внешнего конфликта, который обусловлен его столкновением со средой, окружающей действительностью и членами общества, с которыми он ежедневно общается.

Ярким примером такого плачевного, во многом «тупикового» состояния героев произведений Чехова является монолог дяди Вани:

«Одного только меня не освежит гроза. Днем и ночью, точно домовой, душит меня мысль, что жизнь моя потеряна безвозвратно. Прошлого нет, оно глупо израсходовано на пустяки, а настоящее ужасно по своей нелепости. Вот вам моя жизнь и моя любовь: куда мне их девать, что мне с ними делать? Чувство мое гибнет даром, как луч солнца, попавший в яму, и сам я гибну» [5. С. 206].

Войницкий тяжело переживает не только безответную любовь, но и всю свою жизнь в имении — натянутые отношения с матерью, приезд профессора, которого обожал и которым заочно восхищался. Но совместная жизнь с реальным человеком полностью изменяет его представления и «рушит» хрупкий иллюзорный мир.

«О, как я обманут! Я обожал этого профессора, этого жалкого подагрика, я работал на него, как вол! Я и Соня выжимали из этого имения последние соки; мы, точно кулаки, торговали постным маслом, горохом, творогом, сами не доедали куска, чтобы из грошей и копеек собирать тысячи и посылать ему. Я гордился им и его наукой, я жил, я дышал им! Все, что он писал и изрекал, казалось мне гениальным... Боже, а теперь? Вот он в отставке, и теперь виден весь итог его жизни: после него не останется ни одной страницы труда, он совершенно неизвестен, он ничто! Мыльный пузырь! И я обманут... вижу — глупо обманут...» [6. С. 208].

Его «мир», который он так старательно возводил, разрушен, он не видит выхода, что приводит к острейшему внутриличностному конфликту и поиску разрядки посредством межличностного столкновения.

С лингвистической и психолингвистической точек зрения произведения А.П. Чехова дают нам богатый материал для изучения природы внутриличностного конфликта и его манифестации в русской художественной литературе на рубеже XX в. Духовная жизнь героев выходит на авансцену произведений, обнажая сознательные и бессознательные причины конфликтного поведения. Сталкиваясь с реалиями внешнего мира, герои А.П. Чехова проходят через конфликт микросоциума, который следует рассматривать в единстве его проявлений.

Апогеем внутреннего конфликта становится переход в межличностный конфликт, когда Серебряков заявляет о намерении продать имение, т.к. не видит никакой возможности его более поддерживать и извлекать выгоду.

Кроме этого, профессор чувствует себя «не в своей тарелке», находясь в имении, и понимает, что никоим образом не сможет переломить ситуацию. Его внутренний «мир» также разрушен, и он подспудно ищет возможность выхода своим переживаниям, что реализуется на стыке внутриличностного и межличностного конфликтов, которые тесно взаимосвязаны и дополняют друг друга.

«Откровение» профессора становится для Войницкого сигналом к действиям, далеко выходящим за рамки вербального конфликта, эскалация которого уже началась среди обитателей имения. Дядя Ваня выдвигает прямые обвинения в адрес профессора:

«Ты погубил мою жизнь! Я не жил, не жил! По твоей милости я истребил, уничтожил лучшие годы своей жизни! Ты мой злейший враг!» [6. С. 227].

Внутриличностный конфликт находит свое продолжение в плане межличностного выражения и обретает конкретного «врага», который «погубил» всю жизнь Войницкого.

После попытки убийства Серебрякова, которая должна была стать своеобразным катарсисом для дяди Вани, он, тем не менее, не обретает покоя и впадает в еще большую депрессию.

«Войницкий (пожав плечами). Странно. Я покушался на убийство, а меня не арестовывают, не отдают под суд. Значит, считают меня сумасшедшим. (Злой смех.) Я — сумасшедший, а не сумасшедшие те, которые под личиной профессора, ученого мага, прячут свою бездарность, тупость, свое вопиющее бессердечие. Не сумасшедшие те, которые выходят за стариков и потом у всех на глазах обманывают их. Я видел, видел, как ты обнимал ее!» [6. С. 231].

Единственным выходом является скорейшее возвращение в прежний мир.

Отмеченные нами в тексте А.П. Чехова реплики дяди Вани характерны для параноической акцентуации личности, вполне соответствующей описанию П.Б. Ганнушкина, который отмечал, что «...пока параноик не пришел в стадию открытой вражды с окружающими, он может быть очень полезным работником; на избранном им узком поприще деятельности он будет работать со свойственным ему упорством, систематичностью, аккуратностью и педантизмом, не отвлекаясь никакими посторонними соображениями и интересами» [7. С. 2].

Эмоциональные состояния человека представляют собой сложный и многообразный пласт первичной чувственности — это тот случай, когда «...эмоциональ-

ные состояния приобретают независимое от предметного мира существование...» и формируются «аффективные комплексы», способные при определенных обстоятельствах изменять аффектогенность объектов [8. С. 210].

Рассматривая героев художественных произведений с точки зрения акцентуации, на наш взгляд, уместно говорить о преобладающей акцентуации, т.к. авторы не всегда четко и верно прописывают психологические характеристики героев, что также делает не всегда возможным однозначную идентификацию акцентуации. Так, К. Леонгард, рассматривая в своей книге «Акцентуированные личности» поведение Червякова из рассказа А.П. Чехова «Смерть чиновника», указывает, что состояние, типичное для «человека, страдающего неврозом навязчивых состояний», не является ярко выраженным, т.к. Червякова не мучают сомнения, характерные для данного типа акцентуации личности [9. С. 84].

Сомнения, конечно же, Червякова мучают, но он совершенно не замечает в словах и поступках генерала как вербальных, так и невербальных маркеров назревающего конфликта:

«— Ах, полноте... **Я уж забыл, а вы все о том же!** — сказал генерал и **нетерпеливо шевельнул нижней губой**» [5. С. 76].

«Говорить не хочет! — подумал Червяков, бледнея. — **Сердится, значит... Нет, этого нельзя так оставить... Я ему объясню...**» [5. С. 77].

«Генерал **состроил плаксивое лицо и махнул рукой.**

— Да вы просто смеетесь, милостисдарь! — сказал он, **скрываясь за дверью**» [5. С. 77].

Так продолжается до тех пор, пока Червяков, подспудно понимающий, что досаждают генералу и уже раздражает его, не достигает апогея конфликта, развязка которого оказывается для него совершенно шокирующей и трагической:

— **«Пошел вон!! — гаркнул вдруг посиневший и затрясшийся генерал.**

— Что-с? — спросил шепотом Червяков, млея от ужаса.

— Пошел вон!! — повторил генерал, **затопав ногами.**

В животе у Червякова что-то оторвалось... Придя машинально домой, не снимая вицмундира, он лег на диван и... помер» [5. С. 77—78].

В данном случае следует предположить, что если бы акцентуация Червякова была бы характерной для невротика с навязчивыми состояниями, то он, скорее всего, усомнился бы в необходимости дальнейших визитов к генералу и заметил бы маркеры (не только вербальные) назревающего конфликта.

Следовательно, рассматривать такое сложное явление, как внутрличностный конфликт, проецирующийся на межличностные отношения, следует с учетом всех вербальных, психолингвистических и невербальных особенностей микросоциума, что позволит не только своевременно определить его зарождение, но и оказать конструктивное влияние на его развитие и урегулирование.

Любой конфликт — психологический, политический, нравственно-этический и др. — имеет языковую и речевую репрезентацию. Как язык, так и речь имеют такие конфликтогенные свойства, которые провоцируют пользователей языка на конфликтное взаимодействие. Эти свойства поддерживаются социальными и психоло-

гическими факторами, под влиянием которых формируются устойчивые типы личностей, вступающих в коммуникацию и действующих по тем или иным моделям общения. Реализация гармонической или дисгармонической модели поведения в конфликте предопределяется социальными, психологическими, а также лингвистическими факторами, обусловленными коммуникативным контекстом в целом.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Третьякова В.С.* Конфликт глазами лингвиста // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. — Барнаул, 2000.
- [2] *Комлев Н.Г.* Лингво-семантические мотивы возникновения и разрешения межперсонального конфликта // Тез. VI всесоюз. симп. по психолингвистике и теории коммуникации. — М., 1978.
- [3] Юрислингвистика-10: линвоконфликтология и юриспруденция. — Барнаул-Кемерово, 2009.
- [4] *Выготский Л.С.* Психология искусства. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Искусство, 1968.
- [5] *Чехов А.П.* Собрание сочинений в двенадцати томах. — Т. X. — М.: Правда, 1985.
- [6] *Чехов А.П.* Собрание сочинений в двенадцати томах. — Т. I. — М.: Правда, 1985.
- [7] *Ганнушкин П.Б.* Клиника психопатий, их статика, динамика, систематика. — М.: Медицинская книга, 2007.
- [8] *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения: В 2-х т. — Т. II. — М.: Педагогика, 1983.
- [9] *Леонгард К.* Акцентуированные личности / Пер. В.М. Лещинской. — Киев: Вища школа, 1981.

PSYCHOLINGUISTIC FEATURES OF A CONFLICT (in works by A.P. Chekhov)

P.N. Khromenkov

The Department of Theoretical and Applied Linguistics
Moscow State Regional University
Radio Str., 10a, Moscow, Russia, 105005

A conflict as a communicative act is inherent in many fields of human personal activity and is studied within the different scientific disciplines. Verbal conflicts are widely represented in fiction that enable to investigate in details the psycholinguistic aspects of their occurrence, the development and completion extrapolating some received results on understanding the essence of conflicts beyond the text. Such researches allow develop a new discipline of modern linguistics — *lingvoconflictology*.

Key words: conflict, conflictology, psycholinguistics, act of communication, intrapersonal, interpersonal.